

Эдуард Вайсбанд

Песни израильских экскурсоводов

*

Поколение экскурсоводов и сторожей,
суровые защитники автостоянок и продавцы библейского воздуха,
мы стоим, как распорядители длинной очереди, теряющейся вдаль.

Поскольку археология есть мать всех наук,
мы копаем, копаем воздух,
мы прячем в рукавах и вытаскиваем из ушей, как фокусники,
черепки оправдания нашего существования.

Если вы хотите познать Святую землю ногами,
как братья Гримм, то вместе, то поврозь,
как Коля Ключев по родной Рязанщине,
то заложите на это четыре часа до обеда
вдоль заграждения, а после поперек.

Помнится,
когда я водил экскурсии по подземному граду Петах-Тикве,
включая новые археологические раскопки
массивного торгового комплекса возрастом 3500 лет,
посвященного неустановленному пока божеству,
кто-нибудь из группы постоянно норовил перейти
подземный ручей и выйти на участок кладбища Яркон,
где сверху причудливо нависает фундамент бетонных саркофагов
и лифты в шахтах открываются и закрываются не переставая,
как клапаны увиденного в разрезе сердца.

Вышли на пару секунд, чтобы сфотографироваться,
и тут же обратно в прохладное нутро машины,
мы, как космонавты, вышли на пару секунд
в открытый космос сорокоградусной жары,
где, кажется, не может выжить ничего живого,
кроме насекомых и первых отцов-пустынников.
Но на фотографии даже не успели вспотеть,
счастливы парим в обнимку над Иудейской пустыней,
и первые отцы-пустынники из своих пещер
беззвучно возносят нам хвалу.

Проезжая на закате мимо Мицпе-Рамон,
осознавая себя частью этого библейского ландшафта,
где обрыв каменной пустыни становится вровень с небом,
где розовые и малиновые окислы железа
заряжают особой энергетикой,

я ждал, чтобы появилась хотя бы одна человеческая фигура,
чтобы фотография этой метафизики не показалось подделкой.

А мы,
мы были поэтами этих лощин и предгорий,
торговали войной и приторговывали любовью,
нас любили, потому что мы были счастливички,
мы выжили.

Наши дети сейчас выступают на вечерах нашей памяти
и рассказывают, какими мы были хорошими или плохими отцами.
Это неважно, они все равно знают, как мы их любили.

*

Мы были мальчиками в узких в плечах плащах и шерстяных беретах,
специалистами по теории революции
и практике выживания в контрреволюции,
наши грустные глаза и поднятые руки
до сих пор пользуются спросом для обложек книг по истории.

Мы стали мальчиками в армейских сапогах с узи и беретками
профи по разделению живого и мертвого света и тьмы

кафки на контрольно-пропускных пунктах не заметили превращения

мы копаем копаем воздух мы ищем туннели

нас призвали в евреи совсем молодыми по сути детьми

(в прошлой жизни я лично хотел быть только поэтом
я не о том что лучше или хуже я не об этом)

*

Может быть, в будущем электрошоки будут так же распространены,
как сейчас транквилизаторы,
будут постепенно усовершенствоваться, делаться адресными,
как сейчас научились уничтожать плохие бактерии,
не задевая здоровую микрофлору.

Подумай, как было бы здорово,
если бы эти внезапно всплывающие,
как трупы крупным планом в фильме ужасов,
сцены вины, унижения, бессилия,
больше не всплывали,
исчезли бы навсегда под благословенной гладью забвения.

И люди будущего будут недоумевать,
как мы могли жить без адресных электрошоков,
как мы сейчас жалеем наших матерей,

которые прожили свою жизнь без стиралок и памперсов
и должны были вручную, всё вручную.

*

Довольно легко вспоминаются,
неожиданно легко вспоминаются,
до обиды легко вспоминаются
люди, которых больше нет с нами.

Здесь скрыта какая-то низость,
может быть даже подлость,
нарушение прав мертвых,
наше общее преступление против человечности.

Вспоминаются, как живые,
даже немного похорошевшие,
как лица после фотошопа,
как рукопись, прошедшая несколько редакций
несколькими редакторами.
Как будто профессиональных плакальщиц
сменили профессиональные писатели некрологов,
спичрайтеры нашего малодушия,
отчетов в местной газете.

И всегда у могилы стоят какие-то непонятные люди,
мешающие нам сосредоточиться.
Хочется отогнать их, как мух, этих непрошенных старух,
то ли соседок, то ли бывших приятельниц,
то ли просто любительниц походить по чужим похоронам.
Они смотрят на нас как старые знакомые,
как будто им обязательно нужно что-то сказать.
И ничего не сказав, удаляются затем неизвестно куда,
как частицы неостановимого процесса распада.

*

когда соседи и родственники вынесут на погибель
мешок с одеждой и ненужную мебель когда твой
почерк ночью наощупь и второпях станет полнос
тью нечитаем в чужих руках замыслы и подступл
ения к долго откладываемой работе станут снова
неоплаченными счетами за воду и газ с какими-то
каракулями и загогулинами на обороте об эколог
ически чистой судьбе твоего литературного насл
едия позаботятся соседские ротозои оставив разве
стопку фотографий пригодную может быть для к
акого-то этнографического музея бубен весло кн
иги публикации настенная роспись вымершей ци
вильзации

*

Спасение в детях, в жертве.
Но мать на смертном одре сказала — нет.

Спасение в работе, в подвиге.
Но мать — нет, нет, нет.

Мы были одни так мало,
пока сестра не привела врачей подтвердить.

Спасение в смерти, в забвении.
Но мать на смертном одре сказала — нет.